

политического, культурного и нравственного характера. Исчезает ряд рациональных ментальных черт, появляются иррациональные умонастроения и поведение. Этот процесс требует мониторинга обществоведов и воздействия на него политиков, работников органов государственного управления, педагогов, менеджеров, предпринимателей.

Литература

1. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / Пад рэд. А.С. Фядосіка. Мн., 1976. Кн. 1.
2. Браім І.М. Рыбалоўства ў Беларусі. Мн., 1976.
3. Кириенко В.В. Менталитет современных белорусов как фактор общественного реформирования // Социология. 1999. № 1.
4. Аргументы и факты. 1996. № 28.
5. Промыслы і рамёствы Беларусі. М., 1984.
6. Беларусь. М., 1998.
7. Шавель С.А., Данилов А.И., Раков А.А. и др. Человек и рынок (Социологический мониторинг). М., 1992.
8. Клименко В.А., Артюхин М.И. Социальная база предпринимательства // Социология, 1999. № 1.
9. Дубянецкі Э.С. Унікальны менталітэт беларусаў // Беларус. думка. 1994. № 12.

В.М. БЕЛОКУРСКИЙ

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ИМПЕРАТИВЫ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ...

Сегодня все более очевидным становится тот факт, что взаимовлияние культур и экономик в условиях глобальной интенсификации связей носит сложный, неоднозначный характер. Достаточно длительное время альтернативой ему была эволюционистская шкала линейного прогресса — мифа, получившего философское обоснование еще в трудах И. Канта и Г. Гегеля. Как известно, в кантовской модели прямолинейной эволюции исчезали и унифицировались локальные различия. Несвропейские культуры рассматривались как младшие партнеры, как варианты пройденных этапов развития. На этой основе в западной социологии сформировалась и овладела умами многих ученых, в том числе и экономистов, идея модернизации, рассматривающая возможность “прогрессивного” преобразования любого общества через включение его в технико-экономические детерминанты западного мира. Однако принудительные методы “аккультурации”, осуществленные Западом в так называемых традиционных обществах, вызвали обратную реакцию. Она проявилась в национально-возрожденческих движениях, отстаивающих культурную самобытность и уникальность своего собственного развития. Ее результатом стал также рост религиозного фундаментализма на Ближнем Востоке, в Центральной Азии и других регионах мира.

Исследования философов, культурологов, этнографов и, конечно же, достижения обществ, сумевших добиться значительных технических успехов, не нарушая своих исторических традиций, обусловили кризис идеи “модернизации”. Феномен японского (южнокорейского, тайваньского и т.д.) “чуда” продемонстрировал значительную гибкость традиции, ее неотделимость от механизмов новационных изменений.

Проблема соотношения традиционного и современного чрезвычайно сложна и обширна. Она выдвигается сегодня в разряд первостепенных и требует специального рассмотрения, предполагающего осмысление огромного массива данных социологии, истории, этнопсихологии, экономики, этнографии и т.д. На взгляд автора, нелинейность развития и многообразие переходных форм совершенно меняют способ рассмотрения общества, предполагают отказ от ошибочного уподобления культурной традиции инерционной системе. Современное общество и его тра-

---

Валерий Михайлович БЕЛОКУРСКИЙ, кандидат философских наук, доцент кафедры философии БГЭУ.

диции представляют собой открытые системы вследствие усиления межкультурных взаимодействий и ускорения социальных изменений. Неравномерность, нелинейность, “плюральность” современных переходных состояний социальных систем предполагает наличие в их структурах новационных элементов, разноуровневых, разнопорядковых их сочетаний. И именно многообразие этих форм увеличивает скорость развития, ведет к “порядку из хаоса” (И. Пригожин). Вместе с тем следует отметить, что иногда внешние детерминанты (в ряде случаев и экономические) могут поставить культуру на грань выживания, в чем нетрудно убедиться на современных примерах. Но именно культура являлась всегда определяющим “условием нашего включения в непрерывное поле значений и смыслов” (М. Мамардашвили) и одновременно структуриации личности (в том числе и экономиста) посредством этих значений и смыслов. Философское постижение социокультурных императивов деятельности и развития личности, а также выяснение их влияния на формирование нового экономического мышления в условиях переходного состояния социума приобретают, таким образом, особую актуальность. Теоретическое обоснование и практическое решение проблемы культуры, формирование человеческих качеств стали в настоящее время той доминантой, которая должна определить не только наиболее эффективную модель экономики, но и дальнейшие пути развития всего общества в целом. Это требует, в свою очередь, глубокого анализа традиции “духовности” — уникальной способности поколений создавать новые смыслы через сохранение прошлого опыта и культуры, через умение поставить себя во всевязь времен, через преемственность и живое единство, благодаря “усилию человека быть” (М. Мамардашвили).

Культура, как известно, принадлежит к классу тех общественных явлений, сущность которых трудно выразить в каких-то определенных, жестко фиксируемых, чувственно воспринимаемых формах. Она не есть нечто конкретное, что можно выделить, проводя жесткий водораздел между нею и всем тем, что культурой не является. Поэтому сущность культуры может быть раскрыта только в ходе анализа, включающего процесс ее возникновения, функционирования и развития в непрерывном единстве с человеком. При таком подходе взаимодействие личности и культуры предстает перед нами как часть целого, как один из узлов в единой сети социальных отношений, той реальности, в которой действующая личность получает или не получает возможность реализовать свою собственную сущность, породить и воспроизводить систему отношений через свой труд, свои поступки, способы общения с другими. Культура не имеет отдельного от личности существования. Она выступает как способ движения личности в социально-экономическом пространстве. В понимании сути культуры, ее тесного сопряжения с личностью, а также экономикой убедительным примером являются те годы, когда социальные процессы в нашем обществе утратили свою динамичность, застыли в неизменных формах, отлитых в соответствии с административно-бюрократическими установками. Возникла ситуация, когда стало казаться, что социальные организации и отношения функционируют по каким-то своим законам, весьма далеким от интересов и запросов реальных людей.

Как известно, основой формирования и развития культуры, ее субстанцией является деятельность. Анализ же последней предполагает необходимость учета трех типов обусловленности: природой, социальной и культурой. В процессе деятельности люди накапливают умения, знания, жизненный опыт. Социализация индивида предполагает освоение этого накопленного социумом богатства. В ходе освоения и приумножения культуры как средства у людей формируется второй ее пласт — культура как способ самосознания, самореализации, формирования высших ценностей и идеалов. Здесь образуются представления о должном как о способе бытия, о ценностях и идеалах, наиболее адекватных осознаваемой в данной культуре человеческой сущности. Представления о должном в свою очередь воздействуют на формирование, постановку и реализацию человеческих ценностей. Сегодня именно они в зависимости от того, в какой мере субъект ими проникся, определяют его выбор среди реальных или кажущихся таковыми возможностей.

Культура, таким образом, — это исторически выработанные способы деятельности социума и продукты данной деятельности, обладающие позитивно-ценностной значимостью для его развития. В отложившихся в культурном слое способах деятельности отражены объективные свойства, связи и законы окружающего мира в их заданности человеку в плоскости целенаправленного взаимодействия с ними. Эти объективные свойства, причины, законы, воплощаясь в способах деятельности конкретного социума путем накопления и отбора опыта, создают уникальный и

неповторимый “рисунок” его родной культуры, закрепленный знаком — “социальным геном” внебиологического наследования. Однако накопленная в предметных формах и закрепленная в знаке культура имеет специфическую особенность — она есть и ее как бы нет. Это связано с тем, что вне живой деятельности предметные формообразования утрачивают свое человеческое значение и превращаются в “голую” вещественность, подпадающую под закономерности природного круговорота веществ. Поэтому культурное богатство, накопленное конкретным социумом в предметной форме, не может само по себе служить гарантией процветания его будущих поколений. Если общество по тем или иным причинам не стимулирует соответствующее отношение к культуре, если индивиды не овладевают всем спектром выработанных до них видов и способов деятельности, не развивают их или овладевают ими одномерно, общество культурно нищает, теряя свои жизненные силы. Поскольку у человека не сформированы или недоразвиты социально-культурные качества, нет соответствующих потребностей, нет сознательной установки на освоение культурно-воспитующих факторов, последние остаются внешними и бездейственными по отношению к нему. Отметим также, что человек не может быть просто объектом воздействия воспитующих факторов, он должен выступать субъектом саморазвития. Сегодня для значительной части индивидов данная задача является еще достаточно трудной.

С точки зрения развития человеческой деятельности важно подчеркнуть, что в современном обществе все чаще заявляют о себе антикультурно-тормозящие силы. Отсюда следует, что культура как духовная ориентация человека на реализацию своей родовой сущности заявляет о себе в нынешнем социуме через противостояние, противоборство с антикультурой. В данном контексте культура может быть адекватно реализована только как историческое преобладание высших духовных ориентаций, тех, которые выражают самую глубинную сущность человека и социума. К этим высшим ориентирам или, точнее, императивам культуры, принадлежит родной язык как “генетическая” память и “дом бытия” (М. Хайдеггер). Практика свидетельствует о том, что индивид, лишенный родного языка, не может подняться до уровня субъекта собственного культурного развития. В значительной степени это относится и к социуму в целом, поскольку в родном языке конкретного социума “проговаривается” культурное наследование. Язык как носитель смысла, как основа наиболее адекватного его выражения в процессе наследования определяет длящийся континуум человеческой деятельности через восхождение от единичных актов к всеобщему посредством трансляции социальности. Эта сумма содержащейся в языке социальности составляет содержание социальной памяти. Последняя, как обобщенный коллективный опыт, надиндивидуальная информационная система представляет собой хранилище традиций, “немых привычек мысли” (М. Фуко) — основу возобновляемых процессов, их актуализации и опредмечивания. Сохраненная и выраженная в языке культурная традиция предстает как ценностная и избирательная ретроспектива человеческого опыта, содержательно “профильтрованного” поколениями, аккумулирующая ценностно-значимые регулятивы для настоящего и исходная модель деятельности (в том числе экономической), обращенная в будущее.

Отмеченное выше тесным образом связано с другой социокультурной доминантой — национальным самосознанием. Его формирование, начавшись в эпоху белорусского Возрождения, через некоторое время в силу внешних причин было искусственно прервано. Порожденная этим ситуация “дремотности духа” негативным образом сказалась на развитии социума, перманентно порождая у ряда поколений рефлекс боязни, послушания и конформизма. Этот рефлекс отдельными исследователями был истолкован как толерантность белоруса. Таким образом, из исторического бессилия индивида, никогда не становившегося субъектом своей собственной судьбы, сотканный усилиями политологов привлекательный миф о его “чистейших” достоинствах, якобы дающих надежду на успех в решении вставших сегодня задач. Авторами подобных мифов упускается также из виду тот факт, что длившаяся сотни лет зависимость от пана, затем барина, властей и, наконец, партийных чиновников вместе с общинной уравнилостью формировали у индивидов иждивенческо-люмпенские тенденции, стремление жить за чужой счет. А это, в свою очередь, деструктивным образом отразилось на моральных нормах и трудовой этике всего социума.

Известно, что придать форму мягкой и податливой глине сможет любой ремесленник, которому в то же время не по силам огранка твердого кристалла, превращающего последний в драгоценный бриллиант. Поэтому, на взгляд автора, в рас-

хожих суждениях о толерантности содержится элемент оправдания “ремесленничества”, как, впрочем, и элемент идеологического оправдания политики “твердой руки” в отношении “социальной глины”. Все это “избавляет” нас от необходимости выявления подлинно “болевого точки” пересечения экономической и социокультурной проблем с последующим ее “врачеванием”.

Академик Д.С. Лихачев подчеркивал, что народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. Мерить культуру мы должны по ее высочайшим достижениям. Подобно вершинам гор, они возвышаются над веками, создавая “горный хребет культуры”. Последний в нашем обществе волею исторических обстоятельств испытал глубокий “тектонический разлом”. Это привело социум к утрате “связи времен”, все еще не восстановленной полностью. Между тем мировая история показывает, что объединение общества и его рывок вперед, всегда требовали наличия такой связи. Подобный рывок был прежде всего глубоким нравственным актом, определяемым каким-то важным жизненным замыслом, требующим не только всеобщего участия его членов, но и того, что называется “порывом духа”. Именно благодаря этому порыву замысел перерастал в некий стратегический проект совместной жизни людей. Для большинства членов того или иного социума он становился своеобразным принципом, преобразуясь в особое чувство, присущее только им. Известно, что в развитии народов и цивилизаций очень важная роль принадлежала таким основополагающим идеям. Средние века, например, жили религиозной идеей. Эпоха Возрождения — идеей античности и т.д. Для народов всегда был страшен тот час, когда старые идеи рушились, а новые не родились. В данной связи актуальным становится вопрос: способно ли современное общество придать экономическим целям статус стратегической идеи? Подобные идеи были в свое время реализованы в Японии и Западной Германии, где экономический рывок рассматривался как реабилитация за поражение в войне и средство восстановления национального величия.

Реальная жизнь все убедительнее напоминает нам сегодня, что экономическое творчество “само по себе” является мифом. К тому же нынешние экономисты разобщены профессионально, идейно, теоретически и, наконец, методологически. Экономике невозможно представить в отрыве от конкретного социума, его культуры. Экономическое благополучие общества — это следствие культуры (в самом широком смысле этого слова) тех, кто в нем жил и живет. Иными словами, экономика способна активно функционировать и развиваться лишь при нравственной культурной готовности общества. Причем для жизненного уровня народа наличие культурных основ рыночной экономики даже важнее, чем наличие самого рынка. К.А. Сен-Симон в свое время глубоко заметил, что “нации могут жить двояко — либо воруя, либо производя”. Народ, в культуре которого выработано отношение к труду как долгу перед семьей, обществом, Богом, а не только способу зарабатывания денег, у которого есть представление о некоем обязательном уровне труда, ниже которого опускаться нельзя, может решить любые задачи, встающие перед ним. Трудовая этика данного народа закрепляется в комплексе моральных ценностей и норм, выработанных предыдущими поколениями, архетипах культуры, и находит свое выражение в поведении человека. Она входит составной частью в социально-экономический “генотип” общества, который образует механизм социального наследования.

Каково же будущее нашего молодого суверенного государства и его экономики в новом постиндустриальном мире? Известно, что всегда в переломные моменты истории перспективой дальнейшего развития обладали те, кто оказывался в более благоприятных условиях. В прежние времена данный принцип срабатывал в силу естественных механизмов самоорганизации. На него уходили целые века. Сегодня для этого у нашего общества просто нет времени. Однако еще рано склонять голову, покорно соглашаясь с мрачным пророчеством шекспировского героя: “Вы можете любить лишь то, что не было, но что могло бы быть...” На взгляд автора, в сложившихся условиях решающее значение должны сыграть возрождающийся дух народа, его культура, сопрягаемые с нравственным началом и трудовой этикой. Поняв те возможности, которые они открывают перед нами, мы должны найти пути их эффективного приложения для преодоления кризисной ситуации в обществе и душах людей.

Выдающийся мыслитель и поэт итальянского Возрождения Ф. Петрарка писал, что “Слово — первое зеркало духа”. В этой формуле обнаруживается теснейшее сопряжение Космоса и Логоса, морали и языка, Слова и культуры. Эта зависимость неопровержима сегодня никакими суждениями о культуре вообще и безнациональной экономике.